

Почему “гражданский брак” – не брак?

Гражданский брак ныне довольно часто упоминается разными людьми; иные говорят, что это солнечное проявление свободы, более осторожные — что молодым людям нужно-де проверить свои чувства; несогласные печально констатируют, что как-то это нехорошо (о более эмоциональных выражениях несогласия и недовольства умолчим). Правда, ни те, ни другие не задумываются особенно, о чем же идет речь: сторонники имеют в виду нечто прекрасное, противники — гадость вообще. И еще менее задумываются люди о том, почему они это таким образом называют. Попробуем хоть немного уяснить себе, что же здесь называется браком и что — гражданственностью.

Немного истории

В Российской империи существовал единственный способ зафиксировать брак: религиозный обряд, имевший тот или иной характер в зависимости от религии брачующихся. Гражданской регистрации попросту не существовало.

И. Прянишников. В ожидании шафера. 1880-е/Wikimedia Commons/CC BY 2.0

Но, как всегда и везде, были люди, не желавшие по тем или иным (как правило, неуважительным) причинам связывать себя брачными узами или при всем желании не имеющие такой возможности, — а кроме различия вероисповеданий, при нежелании этим хоть в какой-то мере поступиться, есть еще и церковные правила, запрещающие, в частности, родственные браки (считается и духовное родство) и возбраняющие брак после развода его виновникам. Почему эти люди называли свое сожителство гражданским браком — уже тогда было не очень понятно; что-то тут такое просвечивает вроде того, что гражданам

следует быть вне религии, а отсюда можно плавно перейти к тому, что верующие — плохие граждане и, следовательно, гражданских прав иметь не должны. В дальнейшем это понимание закрепилось в акте лишения гражданских прав духовенства, в запрете голосовать на выборах, в невероятном налоге. Бесмыслица «новой жизни» здесь, кстати, проявилась и в том, что уничтожаемое духовенство называли лицами свободной (!) профессии.

...Вообще-то у монархии бывают подданные, и вплоть до недавнего времени принадлежность человека к населению той или иной страны (в том числе и республик) называлась подданством. Оно, конечно, если это понятие представляется унижительным, то можно и гражданином называться; беда в том, что это название, употребляемое всерьез, обязывает.

И в самом деле, что связывается со словом гражданский? Изначально и по существу — ответственная позиция человека в обществе. Некрасов, например, писал:

Будь гражданин! служа искусству,

Для блага ближнего живи,

Свой гений подчиняя чувству

Всеобнимающей любви.

Вполне очевидно, что всеобнимающей любовью поэт называет вовсе не сожителство вопреки законам и обычаям, а служение ближнему и любовь,

произрастающую из той, которой Христос победил смерть и спас человечество. И кто будет возражать против такой гражданственности? Однако параллельно развивалось понимание (пути такого развития проследить возможно, но утомительно), что гражданский — это против властей и законов; оно и утвердилось в словосочетании гражданский брак.

А между тем никак не зафиксированное сожителство именно потому не имеет права называться гражданским, что характеризуется прежде всего полной безответственностью, бесправием сторон в результате выхода из сферы закона. Опять-таки восстать против несправедливых законов интересно, но можно вспомнить слова Томаса Мора, канцлера Англии при взбалмошном Генрихе VIII и страдальца за Церковь, прозвучавшие в хорошей пьесе: «У нас в Англии слишком много законов, и большинство из них несправедливы, но жить без них нельзя, потому что они ограждают нас от дьявола». Пылкий молодой собеседник восклицает: «А я, чтобы изгнать дьявола, готов сокрушить все законы и гнаться за ним без усталости». И слышит ответ: «А если он обернется и начнет преследовать Вас, где Вы укроетесь?»

Злодейства старого мира

Не будем говорить о том, что сожителство, именуемое «гражданским браком», позволяет тому, кто передумал, бросить на произвол судьбы того, кто доверился, — и причем как правило в тяжелое время; здесь всегда найдутся желающие позлорадствовать.

Подумаем о детях: ведь незаконнорожденные в Российской империи были лишены прав; более того, в свое время дети крепостных женщин от любого знатного отца записывались в крепостные. Конечно, иные «благородные отцы» отпускали мать на волю, давали детям фамилию (не свою!), снабжали деньгами...

Почитайте «Подросток» Достоевского — очень ли это утешало? А когда «просто» принадлежность к разным конфессиям не позволила повенчаться, дворянин Яковлев дал своему сыну от лютеранки фамилию Герцен, что примерно значит «сын сердца». Тот был даже состоятельным человеком, но вот счастливым не был.

Разумеется, можно долго и звучно проклинать законы и общество, но ведь детям-то жить в этом обществе и под этими законами... Кстати сказать, кроме действительно тяжело звучащего слова «незаконнорожденный» для детей «свободных» родителей существует определение внебрачный, что показывает, что при «гражданском браке» о собственно браке речь не идет и что сочетание этих слов применительно к данному явлению вполне бессмысленно.

*И. Прянишников. Жесток
кие романсы.*

Только не нужно думать, что простой народ был нравственен, а «не простой» — не слишком. Увы, грехи людские одинаковы при любом социальном положении. Скорее у людей немудреных и отношение к «гражданскому браку» было попроще: грех, беспопутал, стыдобушка... И когда Лесков упоминает о том, что некоторые из «новых людей» со временем венчались, чтоб кухарка уважала, он вовсе не утверждает, что кухарочье сословие отличалось блеском добродетелей и являло собой образ праведности — кухарки не хуже и не лучше других, — но живое понятие о стыде, о том, чего следует стыдиться, а не выставлять напоказ, у них, как правило, присутствовало. И выражения «законный брак», «законные

супруги», вполне простонародные по области употребления, свидетельствуют и о том, что в этих кругах бытовали и были известны другие формы сожительства, и о том, что брак был признаком порядочности, повышал социальное положение.

Так, может быть, все-таки умудренно кивнем и скажем, что образованное общество безнравственнее необразованного? Да ничего подобного; ведь и образованные люди вступали в законный брак и в мире и любви проживали в нем всю жизнь, и среди необразованных были такие бесстыдники, что только заохашь.

Дело скорее в том, что как образованное, так и необразованное молчаливое большинство придерживалось нормальных традиционных взглядов на брак, а шумное меньшинство громогласно эти взгляды отрицало. А среди «простого» народа шуму поначалу было поменьше. Касательно шума, поднимаемого передовыми гражданами, Достоевский в «Бесах» в гениальной пародии на агитационный стишок пишет, что прогресс призван-де уничтожить церкви, браки и семейства — мира старого злодейства. Здесь даже и не ужаснешься: смешно и глупо. Однако каков набор!

А «общее мнение» сходилось на том, что жить «просто так» вообще нехорошо, но так уж всегда получается, что с наибольшей свирепостью оно обрушивалось не на мужчин, которым как-никак в большинстве случаев принадлежала инициатива

(пресловутую Елену из «Накануне» оставим на совести Тургенева), а на более слабых женщин и на совершенно беззащитных и ни в чем не повинных детей. Я не даю этому оценки, не берусь рассуждать, насколько это нравственно (в другой системе понятий — «убого»), а просто констатирую реальное положение вещей, которое мало меняется в разные века и на разных континентах: хотите бросать вызов обществу — дело ваше, но оно ведь может этот вызов и принять... И в таком случае христианское делание состоит в умягчении нравов, но апеллирует оно не к вседозволенности, а к милости и прощению заблудших.

Акты гражданского состояния

С появлением внерелигиозной фиксации брака отпали (для неверующих) церковные запреты; появились бюро записи актов гражданского состояния (а кто теперь помнит, что именно таково значение слова «загс»!). К гражданским состояниям были отнесены рождения, смерти и браки; примечательно здесь даже не то, что государство приняло на себя выражение функции Бога, Который только и волен в рождениях и кончинах, и снизило их до уровня «гражданского состояния», а признание такого статуса брака, который законодательно включает его в бытийную канву человеческой жизни. Казалось бы, вот он, наконец, вождеденный гражданский брак, тем более что и «записаться» легко, и развестись еще легче. Так что будьте добры, граждане и гражданки, проявляйте

свою сознательность. Ан нет, нашлись такие сторонники свободы, которым и загсовская бумажка казалась тягостными узами. Другие же бумажкой не стеснялись и женились/разводились сколько душе угодно. Алиментов научились избегать разными позорными способами, от клеветы перед судом на любимую женщину и отречения от родного дитя до нахождения мизернейшей официальной зарплаты, чтоб ничего не доставалось бывшему и постылому семейству.

А.

Однако великий и могучий русский язык не дремал, и зарегистрированный брак стал именоваться в свою очередь законным, хотя и был по большей части невенчанным. Это словоупотребление трогательно свидетельствует о стремлении людей в любых условиях упорядочить жизнь

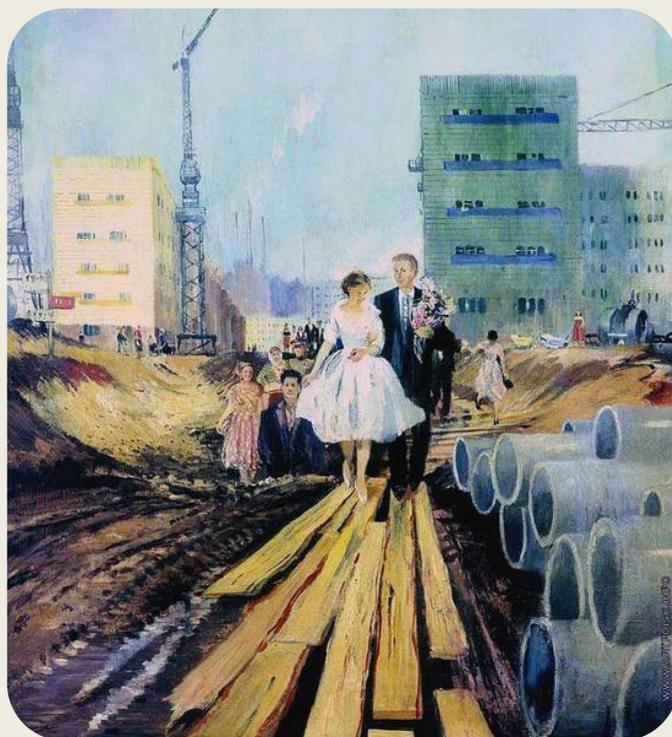
. Я не склонна считать, что при советской власти был порядок и процветала нравственность; я выросла в трущобном районе московского центра, в очень благоприличной семье, но чего только не было у нас в школе и в семьях моих соучеников! Дерзну, однако, сказать, что каждый человек изначально и в глубине души склонен к миру и порядку. Но сильны искушения падшего мира, и некоторые люди по причинам, о которых сейчас рассуждать не время, становятся активными проводниками зла. А молчаливое большинство или эти течения игнорирует, или робко вторит и даже научается. О чем ниже.

Между тем, как уже было сказано, именно при советской власти обрело смысл словосочетание гражданский брак, и ничего другого, то есть церковного освящения брачного союза, власть не признавала. Верующие люди тем не менее венчались, и нередко тайно, поскольку священники были обязаны оповещать власти о венчаниях, а это в большинстве случаев было, мягко говоря, неуместно. Насколько я знаю, венчающимся и в голову не приходило, что можно венчаться, но не регистрировать брак. Таким образом в очень узком кругу брак фиксировался по общепринятой в христианской Европе модели: венчание и регистрация. Собственно, такой брак может называться браком перед Богом и людьми в полном смысле.

Эпидемия продолжается

Наконец, настали новые времена, и Церковь обрела присущие ей права. Правда, в отношении фиксации

брака имущественно-юридические права требуют официальной регистрации; как уже было сказано, это нормальная европейская модель. Казалось бы, все встало на свои места: веруешь — венчайся и регистрируйся, нет — твое дело, зарегистрируй брак светским образом...

Ю. Пиманов. Свадьба на завтрашней улице. 1962 г. ГТГ, Москва

Ан не тут-то было.

Известно, что стакан с водой можно видеть и полупустым, и полуполным. Несколько лет назад образованная дама в культурном журнале сетовала на то, что плохо у нас приживается психоанализ, и употребила таковые слова: «Тысячелетие Православия не прошло даром. Русские девушки целомудренны и не

желают публично выворачивать темные стороны души». Сочувствовать этим дамским скорбям мы не будем, а скажем в свою очередь, что и безбожное семидесятилетие не прошло даром, отразившись пагубным образом на самом понятии семьи. Возможно, нам далеко до предельной (или беспредельной? слишком уж выразительным стал язык) распущенности, но нечто на пути к ней достигнуто (подробности опускаются). Если не говорить о церковном народе, то непонятно, заключаются ли сейчас браки, зафиксированные на юридическом уровне (то есть на самом деле гражданские) без предшествующего «свободного» сожителства, по невнятным причинам и называемого гражданским браком. Самое печальное, что эти слова употребляются по данному поводу и священниками, причем естественно, что употребляются в осудительном смысле, но при этом получается, что батюшки осуждают гражданскую регистрацию (без которой сами же и не венчают). Действительно, бессмыслица, далеко зашедший абсурд!

Свою долю в эту бессмыслицу вносят молодые и «продвинутые» православные, среди которых развивается мода венчаться (у знакомых батюшек, разумеется), но не регистрировать брак (*обращаем внимание читателей, что этот текст написан автором много лет назад, в настоящий момент практики совершения венчаний без регистрации брака не существует, – Прим.редакции*). Что это им дает, кроме бесславной участи одной из сторон в случае, если чувство поостынет, да сомнительного юридического

статуса детей, непонятно. Вряд ли они являются убежденными последователями сектантов, чуждающихся всякой документации — образование не то. Хочется свободы и оригинальности — любой ценой...

Не менее печально, что эпидемии псевдогражданского лжебрака подпадают и люди вполне в годах и даже близко к пятидесяти. Им-то что проверять? Самое оригинальное оправдание такого незаконного состояния, которое я слышала, было: «Он инославный, с ним венчаться нельзя». Спрашиваю: «А что, регистрироваться тоже нельзя?». Дальше по Шекспиру: тишина. Но еще гораздо печальнее то, что вполне порядочные люди старшего поколения оправдывают своих разудалых потомков, смиренно приговаривая, что-де мол нынче по-другому нельзя и что все так делают.

Впрочем, почему бы им этого и не делать? Один современный журналист употребляет в подобных случаях старое присловье: отчего не воровать, когда некому унять? И ведь действительно, и родители боятся слово поперек молвить, и даже священники употребляют стыдливую и неточную замену огненного слова блуд...

Выше я уже говорила, что не верю в то, что порча нравов имеет сиюминутный характер и занесена с гнилого Запада. В конце концов, грехопадение не на Западе произошло. Страшно сказать, но борьба человека с силами тьмы (и в том числе с блудным бесом)

стала немодной (в том числе и в России) уже более века назад. Происходит просто какой-то шантаж: молодые боятся быть немодными, которые постарше — тем более, а то как бы кто не догадался, что они люди на возрасте, родители взрослых детей пуще всего страшатся оказаться носителями пережитков и тем самым утратить надежду на взаимопонимание. А светские СМИ тоже соучаствуют: сообщения о «великосветских» свадьбах почти всегда включают информацию о том, на каком месяце беременности пребывает нежная невеста (вариант: какое количество детей счастливой «звездной» пары сопровождает церемонию). А что же общественное мнение? — А оно совершенно задавлено обстоятельствами и никак себя не проявляет; экстремистские гневные всплески не считаются, поскольку нравов отнюдь не исправляют.

Среди в какой-то мере совестливых людей быстро вышло из употребления словечко «бойфренд»; стали уклончиво говорить «жених». И снова бессмыслица: говорит человек, что его дочь отселилась и живет с женихом. На замечание, что с женихом не живут, а венчаются, печально отвечает, что-де, мол, он уговаривал, а «жених» и «невеста» — ни в какую. На попытку уточнить, что тогда не с женихом, а с любовником, ужасается: «Зачем же так грубо?».

Все это в терминах римского права можно назвать конкубинатом (сожительством), а в терминах этнографии — промискуитетом (неупорядоченное

половое общение, которое этнографы приписывали архаичным обычаям и которого у соответствующих племен на самом деле нет, хотя не всегда бывает и строгое единобрачие); выше упоминалось, как это называется на языке Церкви. Конечно, сторонники сразу же начнут энергично возражать: при чем тут промискуитет, а может, у них великая любовь, не терпящая бюрократического вмешательства? Может быть, и великая, может быть, и всепобеждающая страсть, но надолго ли? В самом слове проверка есть что-то от эксперимента, а эксперимент считается доказательным только в том случае, если он при множественном повторении дает тот же результат. А вообще-то международным пактом эксперименты на людях запрещены. И без них понятно, что свободной любви навсегда не бывает. Ромео и Джульетта сначала обвенчались, а потом соединились в жизни и в смерти. А самое печальное, что вся эта чехарда великих любвей происходит на глазах у детей, для которых мама и папа — величины не постоянные, символизирующие опору в жизни, а переменные. И находятся взрослые, которые с умудренным видом говорят, что дети мол такие пошли, что им это нипочем, а если они шарахаются, то даже полезно ввести их «в курс дела», чтобы не выделялись в продвинутом обществе. И все это ложь. Допустим, дети проявляют цинизм, — они ли в этом виноваты? А что, если они много в жизни просто не видели? Это не они родились растленными (каждое человеческое существо есть образ и подобие Божие), это их растлили с

младенчества. Мало найдется грехов тяжелее и горше этого.

***

Зададимся извечным вопросом: что же нам, православным христианам, делать? Прежде всего не доверять лживым словесам и ни на чем не основанным обобщениям и умозаключениям. Никак не оформленное сожителство мужчины и женщины — грех, распущенность, безответственность, а вовсе не «гражданский брак». Очень важно в этом случае, как и во многих других, не бояться называть вещи своими именами (избегая сквернословия). Никаких причин для отмены единобрачия нет и не будет, равно как нет и не будет оснований для того, чтобы объявлять христианскую мораль устаревшей. Метастазам порока нужно противостоять в своей семье, в своем окружении, а для этого потребны теплая вера, ясные христианские убеждения и взывание к помощи Божией, дабы идти тем путем, который предназначил для нас Он, желая приблизить нас к Себе.

Иллюстрация Елены Черкасовой

Устраивать митинги необязательно. Декларировать свою добродетель — тоже, ибо добродетель вещь целомудренная и не терпит болтовни. Но как Христос непрестанно стучится в наши двери и сердца (ср. Откр 3:20), так и нам следует собственной жизнью свидетельствовать правоту Благой Вести о сущности и предназначении человека.

